

НАСИЛЬСТВЕННЫЕ МИГРАЦИИ И ГЕОГРАФИЯ НАСЕЛЕНИЯ

П.М. Полян

Принудительные миграции — это перемещения значительных масс людей, предпринятые государством по отношению к своим или чужим гражданам *путем принуждения*. Само принуждение может быть при этом *прямым* или *косвенным*. В первом случае мы имеем дело с *насильственными миграциями*, или *депортациями*, во втором — с *добровольно-вынужденными миграциями*, когда государство «влияет» на обстоятельства и факторы индивидуального принятия решения о переселении именно таким образом, каким оно, государство, хотело бы его видеть.

Депортации (насильственные миграции) — это одна из специфических форм или разновидностей *политических репрессий*. Случаи, когда депортации подвергается не часть той или иной группы (класса, этноса, конфессии и т.д.), а практически вся она полностью, называются *тотальной депортацией*.

Определяющими особенностями депортаций как репрессий являются прежде всего их *административный* (внесудебный) *характер*, их *списочность* и установка на *отрыв масс людей* от их устоявшейся и привычной среды обитания (и, стало быть, на *перемещение в пространстве*, подчас, на многие тысячи километров).

За века движущие мотивы применения принудительных миграций принципиальных изменений не претерпели: за ними стоит то или иное сочетание политических и прагматических факторов. Политические мотивы — предотвращать восстания, рассекать недовольных, ослаблять или гасить протест, делать более или менее однородными районы выселения или вселения и т.д. — чаще всего бывают приоритетными. Но и роль экономического фактора огромна, и со временем, как правило, она затмевает первоначальный политический импульс: дешевая (а еще лучше — бесплатная, точнее, почти бесплатная) рабочая сила, переброшенная, по усмотрению субъекта депортации, в нужное для него место и время.

Впечатляющая практика советских депортаций имеет, тем не менее, и «солидную» дореволюционную предысторию. Так, Россия уже в ночь на 18 июля 1914 г. (по старому стилю), т.е. даже не дожидаясь объявления начала Первой мировой войны, приступила к арестам и высылкам подданных Германии и Австро-Венгрии.* А их было немало — в общей сложности около 330 тыс. чел.: уже десятки лет они проживали в Петербурге, Москве, Одессе и Новороссии, на Волыни, в Польше и Прибалтике. Выселяли их в дальние внутренние районы (в частности, в Вятскую, Вологодскую и Оренбургскую губернии, а жителей Сибири и Приморья — в Якутскую область). Кроме того, выселялись и подданные Турции — в Олонецкую, Воронежскую, Калужскую, Ярославскую и Казанскую губернии. Во второй половине 1915 г. эта география серьезно «посуровела»: зауральская часть Пермской губернии, Тургайская область и Енисейская губерния.

* А с конца октября 1914 г. - и Турции.

Депортировали при этом не только «подозреваемых в шпионаже», но и вообще всех лиц призывного возраста (дабы предотвратить их вступление в ряды армий противника), причем не только немцев, австрийцев или венгров, но и поляков, евреев и др. (исключение делалось только чехам, сербам и русинам, да и то лишь тем, кто давал подписку «не предпринимать ничего вредного» против России). Особенно сурово обошлись с немецким населением Волыни, чуть ли не поголовно летом 1915 г. высланным в Сибирь.*

В 1915-1916 гг. (годы военных неудач русской армии в боях с немцами и австро-венграми) с территории Польши, Литвы и Белоруссии имели место и массовые депортации евреев: во внутренние губернии России было тогда выселено 250-350 тыс. евреев, причем на сборы им давались всего лишь сутки.

Высылали при этом за счет самих высылаемых, а при отсутствии средств — по этапу, как осужденных. Но нередко интернировали и вообще без особого разбора, именуя весь контингент «гражданскими пленными». Своего рода кульминацией стал приказ генерала Н.Н. Янушкевича от 5.01.1915: очистить 100-верстную полосу вдоль русских берегов Балтийского моря от всех германских и австро-венгерских поданных в возрасте от 17 до 60 лет, причем отказывавшиеся уезжать объявлялись немецкими шпионами. И лишь спустя некоторое время, под давлением общественности и ряда отрицательных последствий, эти репрессии были несколько ослаблены, но только выборочно — главным образом, для представителей славянских народов.

Приходится констатировать, что подход царского правительства к интернированным «враждебно-поданным» во многом предвосхитил те страшные черты, которыми была отмечена депортационная политика советского государства. Насильственные миграции населения в 20—50-е годы стали по праву одним из основополагающих элементов сталинских репрессий.

Сама по себе депортационная политика тесно связана с общей политикой *принудительного труда* в СССР и может быть понята только в единстве с практикой принудительного трудоустройства осужденных в ГУЛАГе и плано-добровольного переселения. В частности, провал планового переселения в 20-е годы в сочетании с валютопринносящим экспортом древесины во многом предопределили принудительные формы и методы переселения и трудоустройства, к которым перешло государство в 30-е годы как по линии заключенных (исправительно-трудовая система ГУЛАГа), так и по линии депортированных (спецпереселенцев, административно-высланных, демобилизованных через военкоматы и др.). При этом считалось, что принудительный труд мог быть более эффективным, чем свободный. Между системами плано-добровольного, депортационного и тюремно-лагерного (ГУЛАГ) переселения отмечалось не всегда четкое, но все же осязаемое макрогеографическое разделение труда: так, плановое переселение «отвечало» за переселение в трудодефицитные регионы с относительно благоприятными природными и социальными условиями (например, на Северный Кавказ или в отдельные районы юга Дальнего Востока), тогда как «архипелаг ГУЛАГ» специализировался на освоении районов с экстремальными природными условиями (как, например, на Колыме) или же обеспечивал физическим трудом сверхсекретные

* Согласно достаточно распространенному заблуждению, Николай Пякобы подписал Указ о депортации в Сибирь всех "своих", так сказать, чисто российских немцев-колонистов. Такого указа не было, но сама идея действительно существовала, громче других ее "озвучивало" созданное в августе 1914 г. Общество "За Россию"

П.М. Полян
Насильственные миграции и география населения

объекты (урановые рудники, закрытые города и т.д.). Что же касается системы спецпоселков и комендатур для депортированных, то она занимала промежуточное положение между ними, в результате чего основными ареалами вселения депортированных были Европейский Север, Урал, Западная Сибирь, Казахстан и Средняя Азия, за исключением самых обжитых или приграничных районов.

Первые масштабные депортации прошли под знаменами коллективизации и раскулачивания и развернулись в начале 30-х годов. Плановая «матрица» кулацкой ссылки выглядела при этом следующим образом: в Северный край высылались кулаки из Украины и Центрально-Черноземной области, в Сибирь — с Нижней и Средней Волги и из Белоруссии, а на Урал и в Казахстан — из Северного Кавказа. В Сибири и на Урале большая часть депортаций носила внутрикрайевой характер. Но ни Сибирь, ни Казахстан как регионы межкрайевого вселения кулаков сколь-либо значительной роли на данном этапе не сыграли: практически всех раскулаченных отправили на европейский Север и на Урал. Дальше всех — в Восточную Сибирь и на Дальний Восток — отправляли обитателей западных границ. В целом за этим просматривалась следующая (хотя и несколько размытая) тенденция: игнорируя природно-климатические традиции (и, соответственно, хозяйственные навыки) депортируемых кулаков, избегать их расселения в регионах, смежных с районами выселения. Особенно наглядно это было в случае с кулаками Нижней и Средней Волги, для которых оказались «закрытыми» и Казахстан, и Урал (в 1931 г. ситуация изменилась: роль экономического фактора к этому времени заметно возросла).

Главным изменением в географии кулацкой ссылки в 1931 г., по сравнению с 1930 г., было резкое расширение пространства раскулачивания, а в географии вселения — резкое сокращение удельного веса Северного края, сохранение значительной (лидирующей) роли Урала и увеличение удельного веса Казахстана в 1931 г. и Сибири (особенно Западной) в 1932-1933 гг. Прослеживается, в сущности, та же тенденция: от диктата «политики» — к диктату «экономики», от «сверхэкстенсивности» — к просто «экстенсивности» (об «интенсивности» тут говорить не приходится) и от размашистых и жестоко-романтических планов по колонизации Севера и других «отдаленных местностей» (подчас, и вовсе бессмысленных для освоения) на основе насильственного труда заключенных и спецпоселенцев — к более локализованным, более прагматичным и интенсивным проектам конкретного регионального развития, что скорее соотносится с тактическими, нежели стратегическими задачами.

В результате коллективизации исключительно тяжелая ситуация сложилась в 1931-1933 гг. в Казахстане. Помимо умерших от голода, от 1 млн. до 2 млн. чел. в 1932-1933 гг. откочевало, из них только 400 тыс. вернулось в Казахстан (примерно столько же — осело в РСФСР и республиках Средней Азии, а еще 200 тыс. ушли за рубеж — в Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию). Это, по видимому, послужило одной из причин бросающейся в глаза концентрации в последующем депортированных спецпереселенцев и административно высланных именно в Казахстане, а также в республиках Средней Азии.

Один из сквозных типов советских депортаций — «зачистка границ». В 30-е годы «зачистке» и «подготовке театра военных действий» подверглись едва ли не все приграничные фронты: западный (депортация финнов, немцев, поляков), южный (курды, ирани) и, в особенности, дальневосточный (корейцы). Ширина создаваемых таким образом зон безопасности колебалась в диапазоне от 800 м до 100 км.

Прослеживается и определенная географическая логика «зачисток»: они начались в 1930 г., так сказать, с раскулачивания населения западных границ СССР (на Украине и в Белоруссии). Со временем «классовый» подход по своей значимости уступил «этническому»: сделанный в 1935 г. шаг на север — подготовка северо-западной границы (в Карелии и Ленинградской области) — и официально был направлен против конкретного этноса — финнов-ингерманландцев. В 1936 г. пришлось как бы заново обработать западную границу, очищая ее от поляков и немцев. Обращение летом 1937 г. к южным границам государства (в Закавказье и Средней Азии) подтвердило обозначившееся уже направление движения «зачисток» — против часовой стрелки, по периметру сухопутных советских границ (в 1938 г. работа на юге была продолжена). Последним пришел черед дальневосточной границы СССР: состоявшаяся осенью 1937 г. депортация корейцев (причем не только из района Владивостока, но и из ряда других приграничных районов) была на порядок масштабнее и геополитически значимей любой из предшествовавших операций. Начавшийся в 1935 г. в Карелии круг последовательных «зачисток» фактически замкнулся в июле 1939 г. депортацией «инонациональностей» из Мурманской области.

Аннексия в 1939-1940 гг. прибалтийских государств и части территории Польши и Румынии как бы разомкнула этот круг и вновь поставила СССР перед «необходимостью» заново «подготовить» свои новые западные границы: начавшись с фиаско на северо-западном участке (война с Финляндией), эта «работа» несколько застопорилась, но, тем не менее, в 1940-1941 гг. она была успешно продолжена на западном и юго-западном участках новой границы — в Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии, а также в Молдавии и Транснистрии. Оставление же практически без внимания довольно значительного по протяженности участка границы с Китаем и Монголией говорит лишь о том, что с этой стороны СССР не усматривалось геополитической угрозы. Тем не менее, при вселении спецпереселенцев в эти районы неизменно выдерживалось определенное удаление от государственной границы, ближе которого их не расселяли (в годы войны изредка предпринимались даже отдельные внутрикраевые переселения, например, части забайкальских немцев, с целью соблюсти этот условный радиус безопасности).

Годы Великой Отечественной войны для СССР ознаменовались целой серией актов несправедливости, дискриминации и репрессий по отношению к части собственного населения. Классическим образцом этого являются так называемые «наказанные народы», причем «наказание» могло воспоследовать или «превентивно», или по принципу «возмездия». Превентивные депортации имели всего один, зато самый массовый прецедент — переселение советских немцев. В результате депортации (с учетом трудармейцев) практически все немецкое население, кроме доставшегося врагу, было размещено к востоку от Урала. С учетом трудармейцев из числа местных и из демобилизованных из армии приблизительная суммарная оценка депортированных советских немцев составляет более 1 млн. чел. С учетом же «социально-опасных» финнов, греков и др., выселенных в 1941 г., а также не немецких трудармейцев, общее число превентивно-депортированных в 1941-1942 гг. можно оценить в 1,2 млн. чел.

Особо привлекательным для примерного наказания «неверных» и поощрения «верных» народов оказался Кавказ. Четыре северокавказских народа — караево-черкесы, чеченцы, ингуши и балкарцы (суммарной численностью более чем в 600

тыс. чел.) — были выселены целиком, т.е. подверглись тотальной этнической депортации. Обезлюдела территория в 35 тыс. кв. км — размером почти со Швейцарию.

Все четыре кавказских народа были депортированы, в основном, в две республики — Казахстан и Киргизию. В то же время ареалом вселения калмыков стали существенно более суровые Западная и Восточная Сибирь (часто — их северные районы), а крымских татар — Узбекистан. Немцев же по СССР к востоку от Урала расселили практически повсеместно. С учетом калмыков и крымских татар тотальные депортации «возмездия» шести «наказанных» народов, осуществленные за неполные семь месяцев между ноябрем 1943 г. и июнем 1944 г., затронули около 870 тыс. чел. Вместе же с превентивно наказанными немцами, финнами и т.д. количество депортированных «по государственному заданию» граждан составляет, округленно и приблизительно, 2,1 млн. чел.

Некоторые народы, не затронутые депортациями непосредственно, оказались задеты ими косвенно, или компенсационно: русские, грузины, осетины, кабардинцы, аварцы, лакцы и др. были переселены, часто вопреки собственной воле, на оставленные без присмотра земли. Так, компенсационные переселенческие потоки из Дагестана охватили 21 горный район, 144 аула было переселено полностью, а 110 — частично. Первые переселенцы в опустевшие районы Чечни прибыли уже в конце марта 1944 г., т.е. через неполный месяц после выселения чеченцев. К 10 августа 1944 г. было переселено около 65 тыс. чел., что фактически составляло около 1/5 тогдашнего населения горной зоны Дагестана. Около 55 тыс. дагестанских переселенцев были размещены в 4 районах, присоединенных к Дагестану, и более 10 тыс. — в предгорных и равнинных землях внутри прежних границ Дагестана (около 7 тыс. лакцев из Кулинского и Лакского районов и около 3 тыс. аварцев, переселенных на земли бывшего Ауховского района). Дагестанцы адаптировались с трудом, и часть из них стала возвращаться назад, но их задерживали и отправляли обратно, а некоторые из старых аулов разрушались, чтобы пресечь поток «возвратников». Тем не менее в 1957 г., когда уже реабилитированные чеченцы и ингуши стали возвращаться на свои земли, большинству пришлось вторично переселяться (и, как правило, если не в города на равнине, то в родные, но частично уже разрушенные аулы). Примерно то же самое происходило и в других случаях, когда в ареале расселения большого или малого этноса в связи с его внезапной депортацией образовывался хозяйственный вакуум. И не случайно, что, по данным на начало 1950 г., именно в ареалах прежнего сосредоточения поволжских немцев и крымских татар — в Саратовской и Крымской областях — был зафиксирован наибольший механический отток населения.

Крым — тоже пограничная территория, и массовые выселения из Крыма в мае-июне 1944 г. (греки, болгары, армяне и др.) могут рассматриваться не только как этническая депортация, но и как своего рода «пограничная зачистка». Жертвой геополитической концепции Сталина стала и Грузия, в частности, турки-месхетинцы, курды и хемшилы, выселенные зимой 1944 г. из пограничных районов вдоль советско-турецкой границы в исторических областях Аджарии и Месхет-Джавахети.

Внешне характер пограничной «зачистки» имела и борьба с «оуновцами» на Западной Украине, начавшаяся в 1944 г. сразу же после освобождения этой территории Красной Армией (ожесточенное сопротивление было оказано также в Западной Белоруссии и Прибалтике, особенно в Литве). На деле это были самые настоящие войсковые операции. По некоторым данным, уже в 1944 г. число депортированных

из Западной Украины превысило 100 тыс. чел. Суммарное же количество граждан, депортированных в СССР в 1944-1945 гг., помимо наказанных депортированных народов, составило около 260 тыс. чел. С учетом этих народов общая за военный период оценка количества депортированных составит 2,35 млн. чел.

Примечательно, что и после окончания войны, когда, казалось бы, все причины и поводы, выдвигавшиеся в их обоснование, утратили силу, репрессивные миграции продолжались, хотя и в ослабленном виде. Впрочем, первые 1,5-2 года после победы представляли собой как бы передышку, но именно на это время легла основная часть работы с теми, кого непосредственно поставляла война: с военнопленными вражеских армий, с «вестарбайтерами» — гражданскими лицами немецкой национальности и, конечно же, с собственными гражданами-репатриантами. Принудительные переселения активизировались в 1947 г. и заметно усилились в 1948 г. в ходе борьбы с вооруженным сопротивлением советской власти в послевоенные годы, особенно в Литве и на Западной Украине, где сопротивление было наиболее ожесточенным. Общее количество депортированных в послевоенные годы, по имеющимся данным, может быть оценено примерно в 400 тыс. чел. География их выселения во многом напоминала структуру последнего военного двухлетия, но при этом акцент был как бы перенесен из Закавказья на закрепленную Потсдамским миром западную границу СССР. В то же время определенный сдвиг произошел и в географии вселения, в частности, все более и более заметную роль начала играть Восточная Сибирь, в особенности Красноярский край и Иркутская область.

Суммарное количество советских граждан, депортированных внутри СССР в военные и послевоенные годы, оценивается нами приблизительно в 2,75 млн. чел. Тем самым общее количество депортированных в СССР за период с 20-х по середину 50-х годов составило, по нашей оценке, **около 6 млн. чел.**

После смерти Сталина, в 1954-1956 гг. начался процесс реабилитации незаконно репрессированных народов, классов, конфессий и иных групп советских граждан. К этому времени прорисовался следующий характер их нового расселения. Спецпоселенцы из наказанных народов отсутствовали на весьма значительной части СССР, в частности, на западе Европейской части, в районах, откуда эти народы выселялись (Северный Кавказ, Нижнее Поволжье), а также в ряде приграничных областей (Мурманская и Камчатская области, Приморский край). В остальных регионах имеется то или иное сочетание представителей разных наказанных народов.

Исключительную роль в структуре спецпоселенцев играли немцы: в 1953 г. на них приходилось 44,5% общего числа спецпоселенцев (вторые из числа наказанных народов — чеченцы — «отставали» почти в 4 раза). Более половины (52,4%) немцев свою вторую временную родину обрели в Казахстане, став там со временем третьим по численности народом, но большие группы немцев (от 50 тыс. до 100 тыс. чел.) образовались и в целом ряде краев и областей Сибири. Представленность немцев (кроме указанных выше регионов) являлась практически повсеместной. В Европейской части (в особенности), на Урале и за Уралом есть регионы, где кроме немцев вообще нет представителей депортированных народов (например, Рязанская, Ульяновская, Архангельская, Кировская, Челябинская, Курганская, Читинская и Иркутская области, Республика Коми, Удмуртия, Татария, Бурятия, Амурский и Хабаровский края — в РСФСР, а также Уральская область в Казахстане или в целом Туркмения). Случаи, когда немецкое население

не входило в тройку лидеров среди семерки «наказанных народов» в регионе, крайне редки. Если немцы не *доминируют*, то, как правило, они *лидируют*, причем с очень большим отрывом. Наибольшие концентрации немцев (не ниже 70 тыс. чел) отмечаются в таких регионах как Алтай, Таджикистан, Карагандинская, Новосибирская и Акмолинская области.

Кроме немцев такого же порядка концентрации встречаются лишь у крымских татар и корейцев в Узбекистане и у чеченцев в Киргизии. Крымские татары, мощно сконцентрированные в Узбекистане, в то же время достаточно широко расселены и по России, являясь, в частности, третьим, кроме немцев и финнов, народом, ошутимо представленным в ее Европейской части. Можно предположить, что на этом сказался самый высокий из семи народов уровень урбанизации крымских татар.

Чеченцы доминируют в Киргизии и в граничащих с ней областях Юго-Восточного Казахстана, а также в Кара-Калпакии. Достаточно представительно (колониями по 5 тыс. чел. и более) они расселены по всему Казахстану, кроме его самых западных областей (но и относительно небольшое число чеченцев, например, в Гурьевской области, имеет «качественную» нагрузку: это, в основном, грозненские нефтяники).

Дальше всего на восток — в Сибирь, особенно в Западную — смещен основной ареал расселения калмыков. В таких регионах как Алтайский и Красноярский край, Новосибирская, Омская и Тюменская области их насчитывалось более чем по 10 тыс. чел. В Средней Азии они заметны только в Кара-Калпакии, по природным условиям более напоминающей Калмыкию, чем, скажем, Сахалин, где лидерство калмыков смотрится скорее случайностью, чем закономерностью (в обоих случаях, по-видимому, сказалась рыболовецкая репутация калмыков). Отметим, что примерно в тех же регионах (Красноярский и Алтайский края, Новосибирская и Омская области) сосредоточилась и основная часть депортированного в начале войны финского населения.

Ингуши, соседи и родственники чеченцев по Кавказу, и в ссылке расселились относительно обособленно и в то же время неподалеку от чеченцев. В качестве ареалов концентрации ингушей выделяются северные области Казахстана, где они достаточно прочно занимают вторые роли. В то же время расселение карачаевцев и балкарцев — схожее между собой и в то же время как бы копирующее чеченское: ареалы их концентрации — это Киргизия и граничащие с ней южные области Казахстана (в Чимкентской области карачаевцы — самый многочисленный народ).

Расселение турок-месхетинцев во многом близко крымско-татарскому: они были сконцентрированы в Узбекистане и Киргизии, в том числе в общей для обеих республик Ферганской долине. Расселение корейцев — это Северный Казахстан в сочетании с Узбекистаном.

Если в масштабе СССР крупнейшими (на 1989 г.) репрессированными народами являлись немцы, чеченцы, корейцы, крымские татары и ингуши, то в масштабе Российской Федерации — список и последовательность иные: чеченцы, немцы, ингуши, калмыки и карачаевцы. По типу и степени реабилитации восемь наказанных народов (с учетом турок-месхетинцев) распределились на три группы: 1) *карачаевцы и балкарцы* — **реабилитированные** народы (их реабилитация удовлетворительна по крайней мере во всех формальных отношениях); 2) *чеченцы, ингуши и калмыки* — **частично** (или **неудовлетворительно**) **реабилитированные** народы (реабилитированные в гражданско-правовом и административно-го-

сударственном отношении, в территориальном плане они были реабилитированы лишь частично, что несло в себе скрытый заряд межэтнических конфликтов); 3) немцы, крымские татары и турки-месхетинцы — **фактически нереабилитированные** народы, их реабилитация свелась только к реабилитации политической или гражданско-правовой, но так и не продвинулась к административно-государственной и территориальной. С точки зрения конфликтного потенциала вторая группа представляет собой гораздо более мощный очаг опасности, чем третья, уже в силу того, что участвующий в нем «неудовлетворенный» этнос консолидирован и административно структурирован.

Начиная с 50-х годов, все три нереабилитированных народа вели упорную, мирную, организованную, но в достижении главных задач не оправдавшую себя борьбу. Правда, личное право селиться в родных местах немцы и татары в конце концов получили, а вот турки-месхетинцы до сих пор лишены и такой возможности, рассредоточившись в ряде регионов Кавказа (Азербайджан, Кабардино-Балкария, Краснодарский край) и Средней Азии, где они были в изгнании. Ввиду устойчивого противодействия любых властей Грузии возвращению турок-месхетинцев в Джавахети-Месхетию вполне реальной может стать их консолидация вокруг одного из очагов сегодняшнего расселения, например, в Азербайджане. Крымские татары, уже сконцентрировавшиеся за последнее десятилетие в Крыму и создавшие там реально действующую систему внутриэтнической самоорганизации (меджлисы разных уровней), стоят все еще далеко от достижения своих целей, хотя и значительно ближе других.

В то же время по-прежнему пребывающие в рассеянии советские немцы единственную альтернативу Немецкой республике в Поволжье усматривают в тотальной эмиграции в ФРГ: из 1549 тыс. немцев и членов их семей, переселившихся, начиная с 1951 г., в ФРГ, 94 % (или 1453 тыс. чел.) сделали это за последние 11 лет (1986-1996 гг.). Вместе с тем эмиграция в Турцию ни для крымских татар, ни для турков-месхетинцев реальной альтернативой не является.

Роль депортированных народов в межнациональных конфликтах периода позднего СССР, может быть, и не была ключевой или решающей, но все-таки весьма заметной. После распада СССР и формирования новых российских границ эта роль, к сожалению, стала еще более значительной. Некоторые из конфликтных территорий уже обильно политы слезами и кровью. Они пролились и в районах депортации (пример — погром турок-месхетинцев в Ферганской долине в июне 1989 г.), и в районах репатриации (ингушские манифестации в Грозном в январе 1973 г., кровавые столкновения между ингушами и казаками в станице Троицкой Сунженского района). Но самым ярким примером является 8-дневный осетино-ингушский конфликт, разразившийся осенью 1992 г. (с 30 октября по 6 ноября) и остановленный только с помощью российских войск. Исторически же он является следствием правового вакуума, созданного депортацией и лишь частичной реабилитацией ингушского народа. В дни кровопролития погибло около 600 чел., а свои дома покинуло практически все ингушское население Пригородного района и Владикавказа: по одним данным, это 37,5 тыс. чел., по другим — 40,3 тыс., из них 31 тыс. прописанных. Указ Президента РФ о возвращении ингушских беженцев в четыре из сел совместного проживания фактически выполнен не был. Но самое прискорбное состоит в том, что распространение и развитие этно-территориальных конфликтов в СССР вновь привело к применению этнических депортаций как к средству их кажущегося решения. Депортации населения

применялись и в ходе осетино-ингушского конфликта.

Сопоставление материалов и выводов наших исследований, посвященных, соответственно, внутренним и международным принудительным миграциям в СССР, позволяет провести некоторые сравнения и обобщения. Суммарный объем населения, депортированного в СССР или из СССР за рассмотренный период, составил в общей сложности около 15 млн. чел., из них 6 млн. пришлось на внутренние и 9 млн. на внешние (международные) депортации в СССР (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Внутренние депортации в СССР по периодам

Периоды	Количество депортированных, тыс. чел.
1919-1929	45
1930-1931	2050
1932-1934	535
1935-1938	260
1940-1941	395
1941-1942	1200
1943-1944	870
1944-1945	260
1947-1952	400
ИТОГО:	6015

Пики интенсивности внутренних депортаций в СССР приходятся на 1930-1931 гг. и 1941-1942 гг. — периоды, когда СССР фактически находился в состоянии войны: в первом случае — необъявленной гражданской войны с собственным крестьянством, во втором — с внешним агрессором. Это хорошо согласуется и с тезисом о приуроченности принудительных миграций к историческим катаклизмам.

Угон в Германию миллионов советских граждан был самой массовой депортационной акцией гитлеровской Германии. Если поставить его в один ряд с операциями ОГПУ-НКВД в 30-х и 40-х годах, то «вербовка в Рейх» заняла бы первое место по масштабам и тщательности. Однако и по масштабам, и по интенсивности (особенно в 1945 г.) ее превзошла массовая репатриация советских граждан, принудительный характер которой был предопределен Ялтинскими соглашениями. Что касается депортации в СССР «интернированных и мобилизованных» немцев из европейских стран, то можно отметить, что и в условиях совершенно чужой страны органы НКВД чувствовали и вели себя в точности так же, как дома в СССР: операция была проведена в сжатые сроки и совершенно в том же «стиле», что и высылки наказанных народов с Кавказа или из Крыма.

Таблица 2

Международные депортации гражданских лиц в/из СССР

Виды и периоды	Количество депортированных, тыс. чел.
Из СССР:	
Остарбайтеры (1941-1944)	3200
В СССР:	
Репатриация (1944-1952)	5460
«Вестарбайтеры» (1945)	300
ИТОГО в СССР:	5760
ВСЕГО-	8960

Наиболее характерными для СССР и самыми массовыми типами репрессивных миграций оказались депортации по *этническому* («наказанные народы», «зачистка границ») и *социальному* («кулацкая ссылка») признакам. Также характерными являются промежуточные и смешанные типы (договорные репатрианты, оstarбайтеры). В каждом из этих случаев речь идет о нескольких миллионах человек.

Принудительные миграции такого масштаба не могли не оказать и оказали весьма заметное влияние на населения бывшего Советского Союза и его расселение. В свое время, резко нарушив или задержав естественный ход демографического развития этносов, они определенно повлияли на макропропорции населения страны, в общем и целом способствуя сдвигу центра тяжести населения СССР в восточном и юго-восточном направлениях. Вместе с тем практически все депортированные народы со временем проявили выдающиеся акклиматизационные способности и сумели приспособиться к новым условиям жизни или приспособить их для себя, найти или создать для себя определенную экономическую нишу, и, вопреки статусной дискриминации, дать детям максимально хорошее образование.

Как отсутствие народов у себя на родине, так и их присутствие на чужбине имело последствия для остального населения мест выселения и вселения, формируя, в первом случае, потоки компенсирующих миграций, а во втором — создавая предпосылки для смешанных браков, трудового общения и т.д.

Принудительные миграции привели к образованию десятков внутренних «диаспор» практически у каждого репрессированного народа (по типу «родина» — «место изгнания»). С распадом СССР и образованием на его месте 15 независимых стран эти внутренние диаспоры неожиданно приобрели официальный международный статус, что имеет для этих народов как свои отрицательные, так и положительные стороны.

В то же время сегодня особенно очевидно, что уход от взвешенных и исторически оправданных решений чреват самыми серьезными последствиями, как экономического, так и политического свойства. Так, отсутствие своевременного и удовлетворительного решения проблемы немецкой автономии привело к тому, что бывшее советско-немецкое население склонилось на путь массовой немецкой эмиграции из России и стран Центральной Азии. Для каждой из этих стран массовый отъезд немецкого населения имеет отрицательное значение, но сдержать его уже вряд ли удастся. Точно так к депортациям восходят и взрывоопасность осетино-ингушского конфликта, которая уже не раз себя проявила, и целый ряд моментов в современных взаимоотношениях Российской Федерации и Чечни, опосредованных всей трудной историей этих взаимоотношений и в особенности связанных с «наказанием», наложенным в 1944 г. на весь чеченский народ.

Каковы же геодемографические последствия четвертьвековой практики депортаций для населения России-СССР-России?

Насильственные миграции 20-х годов, затронувшие суммарно десятки тысяч людей, имели, в целом, незначительное демографическое и экономические влияние. Их значение скорее в другом: это были своего рода «пробы пера» — первые экспериментальные попытки репрессивных депортаций, давшие необходимый опыт (в том числе и «технологический»), в последующем широко использованный при проведении поистине массовых операций.

Первая из них, раскулачивание, принесла искомый социально-политический результат (выведение за рамки социума кулаков и части середняков как политичес-

Насильственные миграции и география населения

ки нежелательной группы), имела и другие последствия, прямым образом к самому политическому «заказу» отношения не имевшие и, может быть, даже нежелательные. Важнейшим из них, если только не «демонизировать» сталинский режим (в противном случае и это предусматривалось и заказывалось), является, безусловно, голод 1932-1933 гг.

Другое, похоже, также «не просчитанное» последствие раскулачивания, имевшее, по существу, яркую демографическую окраску, это — чрезвычайно резкая и в значительной мере бесконтрольная урбанизация населения страны в годы первой пятилетки. Частью ее механизма стал перелив в города (сказать «уход» или «бегство» — также не будет преувеличением) тех крестьян, которые не желали подвергать себя и свои семьи риску раскулачивания и ссылки. Именно бесконтрольность и масштаб этого процесса подтолкнули власти в 1932 г. к введению паспортов и началу паспортизации хотя бы городского населения.

Кулацкая ссылка имела ярко выраженную географическую составляющую. На качественном уровне очевидно, что в 1930 г. центр сельского и общего населения СССР сместился на север, а в 1931 г. — на северо-запад. Несколько сложнее выявить географический вектор «дораскулачивания» в 1933-1935 гг.

Во второй половине 30-х годов началось сознательное, целенаправленное сокращение населения (в отдельных случаях — до полного обезлюдения) приграничных территорий, в частности, на юге Дальнего Востока (корейцы) и вдоль южных и, особенно, западных границ СССР. Глубина полосы, освобождаемой от социально-опасного (в подавляющем большинстве, сельского) населения, варьировала от нескольких сот метров до нескольких десятков километров. Впрочем, западные границы и сами имели в 1939-1940 гг. тенденцию к передвижению на запад (вглубь Восточной Европы), так что всю эту работу приходилось периодически повторять. Самых же выселяемых направляли гораздо дальше: особенной «популярностью» пользовались в эти годы Казахстан и Узбекистан.

«Привязанность» к Казахстану сохранилась и в 1941 г. — при массовой депортации немецкого и финского населения из Поволжья, Крыма, Северного Кавказа, Закавказья и Кольского полуострова. Однако в целом ареал вселения миллионного контингента советских немцев был гораздо шире и включал в себя Киргизию, Западную и, отчасти, Восточную Сибирь. Из народов, депортированных в 1943-1944 гг., Сибирь была предуготована и калмыкам, тогда как четыре северо-кавказских народа были рассредоточены, в подавляющем большинстве, между Киргизией и тем же Казахстаном. Крымских татар, а вслед за ними и турок-месхетинцев, разместили преимущественно в Узбекистане.

В целом в ходе насильственных миграций в военные годы произошел несомненный сдвиг центра населенности на восток и на юго-восток, но количественно оценить вклад этих миграций практически невозможно (тем более, что в том же направлении действовали и другие факторы и процессы, в частности, массовая эвакуация гражданского населения на восток).

Впервые в истории насильственных миграций в СССР они привели к частичному обезлюдению территории, что во многих случаях носило необратимый или, точнее, малообратимый характер, поскольку заселявшихся на освободившихся землях «добровольцев» было, как правило, в среднем в 2,5 раза меньше, чем самих выселенных, что вызывало новые волны «волонтеров», вербовавшихся для этих компенсационных миграций (более того, многие из тех, кто все-таки сюда приехали, имели твердое намеренье при первой же возможности уехать).

В регионах прибытия спецпоселенцы нередко составляли весьма значительную часть постоянного и наличного населения. Во многих областях той же Средней Азии или Казахстана немцы, а в отдельных случаях и представители других «наказанных народов» занимали третье, а то и второе место в региональных этнических структурах. Происходило интенсивное этническое перемешивание прибывших спецпоселенцев с коренными этносами. В результате смешанных браков отмечались усложнение и гетерогенизация этнических структур. Со временем среди спецпоселенцев неуклонно росла доля проживающих в городах, усилился процесс формирования национальной интеллигенции и элиты.